

АНЖЕЛА
ДОЛЛ КАРЛСОН

ПОЧТИ
ПРАВОСЛАВНАЯ

*Современная женщина
в древней традиции*

МОСКВА ■ НИКЕЯ ■ 2019

nearly ORTHODOX

*on being a modern woman
in an ancient tradition*

ANGELA DOLL CARLSON

ISBN 978-5-91761-967-5

© ООО ТД «Никея», 2019
© Ancient Faith Publishing, 2014
© Крейнина И.А., перевод, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
 Часть первая. ВОСТОК И ЗАПАД	 13
Глава 1. Детство в католичестве	
<i>О том, как все начиналось</i>	17
Глава 2. Одного раза достаточно	
<i>О Крещении</i>	28
Глава 3. Энджи — панк-рокерша	
<i>О бунте и расколе</i>	39
Глава 4. Борьба	
<i>О неудобствах и неловкостях</i>	50
Глава 5. Крестный путь	
<i>О трудной дороге и редких передышках</i>	61
Глава 6. Рутина	
<i>О стирке и прочих женских обязанностях, а также о литургии</i>	77
Глава 7. Лед и пламя	
<i>О том, стоит ли вставать на чью-то сторону</i>	88
Глава 8. Тело и кровь	
<i>О кровотоке</i>	97
 Часть вторая. ИСПОЛИНЫ НА ПУТИ	 113
Глава 9. Следуй за мной	
<i>О переходе в одиночку</i>	118
Глава 10. Чернильный узор	
<i>О царапинах и татуировках</i>	129

Глава 11. Малые пророки	
<i>О том, как я привела детей на литургию</i>	140
Глава 12. Реформация	
<i>Об обращении</i>	150
Глава 13. Иисусова молитва	
<i>О силе слова – святого и ругательного</i>	160
Глава 14. Нет времени	
<i>О том, как я была слишком занята, чтобы стать православной</i>	173
Глава 15. Не хочу вас задерживать...	
<i>О том, как найти свое место</i>	185
Глава 16. Воскресный наряд	
<i>О мини-юбках и берцах</i>	193
Глава 17. Прикосновение	
<i>О том, как прикладываться к иконам, и о поцелуях вообще</i>	203
Глава 18. Охота к перемене мест	
<i>О чувстве бездомности</i>	212
Глава 19. Молитвенная практика	
<i>О том, как важно быть последовательной</i>	224
 Часть третья. НАВСТРЕЧУ ЛЬВИНОМУ РЫКУ	233
Глава 20. Феодора	
<i>О выборе имени</i>	236
Глава 21. Замолвите слово	
<i>О поиске восприемника</i>	246
Глава 22. Тайна веры	
<i>Об исповеди</i>	256
Глава 23. Начать с чистого листа	
<i>О посте и очищении</i>	267
Глава 24. Прекрасный пол	
<i>О том, как быть современной женщиной в древней традиции</i>	277

Глава 25. Комната с мягкими стенами	
<i>О поиске безопасного убежища</i>	293
Глава 26. Божественное таинство	
<i>О вхождении в общину верных</i>	305
Глава 27. Желания и потребности	
<i>О мотивации и движении вперед</i>	315
Глава 28. Пир	
<i>О голоде и жажде</i>	326

ВВЕДЕНИЕ

*Вера – это тоска по дому... Вера – это
ком в горле. Вера – не столько статичное
состояние, сколько устремление вперед; не
столько уверенность, сколько предчувствие.
Вера – это ожидание.*

Фредерик Бюхнер

Всегда есть о чем сказать и о чем предупредить в начале. Начало — это декларация намерений, причем заявить о них нужно сразу и поскорее. Моя жизнь началась в лоне Католической Церкви. Это место рождения личности, моя стартовая площадка, хотя между этим и последующими этапами не было четких границ.

Католичество стало частью моего «я», моей самоидентификацией. Оно — данность, как и то, что я американка и принадлежу к семье Долл.

В то время мы жили в штате Огайо, в западной части города Цинциннати. Улицы в нашем районе носили имена дочерей застройщика: авеню Лоретта, проезд Оливии, улица Омены. Дома с белой окантовкой окон и белыми карнизами были выстроены из красного кирпича. Дворы выглядели неказистыми, они заросли зеленью и старыми деревьями с кривыми стволами.

Некоторые обитатели района были эмигрантами в первом или втором поколении. Моя семья принадлежала к немецкой Католической Церкви. Мы гордились семейной и национальной историей и, конечно, своей верой.

Чтобы добраться до местной церкви, нужно было немало пройти вверх по ведущей в горку дороге. В храме также располагалась школа, в которой мы учились. Неподалеку находились аптека, парикмахерская и несколько ресторанов — всеми этими заведениями владели родители моих одноклассников. Это был очень уютный мир. Принадлежность к нему позволяла мне твердо представлять, кто я и откуда.

Начало истории разворачивается быстро, а развитие сюжета требует времени. Любое становление предполагает поступательное движение. Вполне естественно, что рост идет медленно: то же самое мы наблюдаем в природе. Я начала жизнь католичкой, а потом постепенно становилась православной. Иногда мне кажется, что процесс этот тянется бесконечно. Наверное, так и есть: он и не имеет конца.

Я начинаю свое повествование, находясь в середине пути, а середина всегда представляет собой нечто вроде вязкого болота. В настоящем всегда увязаешь. В каждом конкретном моменте есть свое зерно, свой смысл. Иногда он размером с пылинку, что проплывает у меня над головой в луче света. Но зернышко постепенно укореняется и разрастается во мне, смыслы становятся более глубокими, важными, определяющими то, кто я есть на самом деле.

Мне приходится начинать с середины, потому что сейчас я нахожусь на полпути к цели, у очередного верстового столба длинной и трудной дороги: я женщина среднего возраста, среднего дохода, принадлежащая к среднему классу. В общем, все у меня какое-то среднее. Болото, застой.

Город Чикаго, в котором я сейчас живу, имеет регулярную планировку. Улицы пересекаются под прямым углом, образуя сетку: север-юг, запад-восток. Здесь очень просто ориентироваться. Можно сверять направление движения с высотными зданиями или следовать за ярко раскрашенными и шумными поездами наземного метро.

Кое-где встречаются диагональные улицы, которые пролегали поверх старых, протоптанных еще индейцами дорог. Эти улицы — Милуоки, Элстон, Клиборн — нарушают параллельно-перпендикулярную городскую систему. Там, где подобные «неправильные» магистрали сходятся, обычно возникают заторы, суета и суматоха, все выглядывает из машин, вытягивая шеи вперед или оборачиваясь назад, или пытаются в зеркале заднего вида поймать отражение того, что уже осталось позади, а затем ловко перестроиться в другой ряд.

Дорожная ситуация на пересечении трех улиц — чистый кошмар. Как будто в самом средоточии, в самом водовороте автомобильного потока все водители вдруг забыли, куда и зачем ехали. Диагональные улицы — реликты нашего давно ушедшего прошлого. Они сбивают нас с маршрута, мешают ориентироваться, так что мы теряем уверенность в своей цели и даже не можем с точностью сказать, откуда выехали. Мы осторожно, медленно и на ощупь едем вперед, озираемся по сторонам, опасливо оглядываемся на соседние машины и отовсюду ждем подвоха.

Именно здесь, на этом перепутье, среди затора и всеобщей растерянности начинается мой рассказ. Он берет начало на перекрестке трех дорог, имя которым — память, интуиция, устремленность в будущее.

Размышляя о том, как построить книгу, я поняла, что моя духовная география складывается из пересечения линий прошлого, настоящего и будущего. Они сложным образом переплетаются, иногда настолько, что не найти концов. Для удобства читателя я разделила книгу на три части. Их названия, как компас, указывают направление моей мысли. Первая часть именуется «Восток и Запад», вторая — «Исполины на пути», третья — «На встречу львиному рыку».

Первая улица, выходящая на перекресток, — это мое личное прошлое. О нем говорится в разделе «Восток и Запад». Я расскажу, откуда я пришла, что открыла в дороге; поведаю о своих падениях и травмах и о том, как удалось исцелиться.

Часть вторая посвящена борьбе с внешними трудностями. «Исполины на пути» — это рассказ о том, какие препятствия возникали при моем обращении в новую для меня веру, как строились и рушились планы, как я стремилась вписаться в новое сообщество. Здесь я признаюсь в том, что часто бывала непоследовательна и умудрялась ругаться и ссориться с близкими в самый неподходящий момент.

И последняя улица моего личного перепутья — «На встречу львиному рыку». Это, скорее, даже не улица, а петляющий проулок. Пересекаясь с любой другой магистралью, он неизбежно вызывает пробки и дорожные недоразумения. Этот маршрут плохо изучен, мало кем замечаем, хотя в проулке постоянно кипит жизнь и все время происходят какие-то события. Пока я искала способы обойти исполинские препятствия, возникающие на пути прямо перед носом, я не очень задумывалась о том, что

ждет меня в будущем, и не замечала рыка таинственных львов, притаившихся в зарослях далеко впереди.

Вообще-то человек не становится православным сразу после таинства Крещения или Миропомазания (в ходе которого священник помазывает освященным маслом лоб, руки, шею и ноги верующего — для крещенных в других деноминациях это знаменует переход в Православную Церковь). По сути своей Православие — это определенный образ жизни и способ мышления, определенный подход к молитве, который человек практикует до самой смерти. Я стала православной несколько лет назад, но и сейчас мне далеко не всегда удается соответствовать всем этим критериям. Дорога, которая привела меня к Миропомазанию, была очень долгой. Я «долго запрягала»: в течение нескольких лет колебалась, сменила три общины, переехала из одного города в другой, вела долгие беседы со священниками (и продолжаю вести их по сей день). Каждый шаг давался мне нелегко.

Я сижу за рулем, дожидаясь, пока рассосется пробка на перекрестке, и думаю о том, что эта история начинается с середины — топкой, вязкой, непредсказуемой середины. Я все еще в пути с Запада на Восток. Я все еще борюсь с исполинами, с которыми встречаюсь на дороге. Я все еще прислушиваюсь к доносящемуся издали рыку таинственного льва.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОСТОК И ЗАПАД

*Запад есть запад, восток есть восток,
и вместе им никогда не сойтись.*

Редьярд Киплинг

С верой всегда приходит исцеление.

Я стала своего рода пилигримом, странником, ищущим веры, хотя изначально вовсе не собиралась идти по этой дороге. Цель путешествия была для меня не нова, но путь, ведущий к ней, оказался незнакомым. Регулярные встречи с Богом давно вошли у меня в привычку. Я люблю все это — ритуал, таинство, чудо. В отдельные замечательные мгновения мне представлялось, что цель уже достигнута. Все позади, и вот мы с Богом пьем коктейли на берегу моря, вокруг белоснежный песок, теплый тропический ветерок покачивает пальмы. В другие, менее оптимистичные минуты жизни, я ощущала, что бесконечно далека от пункта назначения. Оставалось лишь надеяться, что скоро я взойду на борт самолета, который доставит меня туда, куда нужно. Впрочем, нет. Добраться в эти места можно только пешком, по древней каменистой тропе, где паломника поджидает масса сюрпризов. Передо мной открылась пыльная и широкая дорога, где особенно остро чувствуешь свое одиночество. Проходишь много километров, а вокруг ни души. Путь Православия труден, но прекрасен. Днем палит солнце, но ночь приносит утешение. Над головой сияют луна и звезды. Они — мои

спутники. Они дарят надежду, открывают новое знание. Там, где ты встречаешься с верой, тебя всегда ждет исцеление. Вера излечивает все раны. Абсолютно все.

Катехизационные занятия «Православие 101» проводились в зале для собраний церкви Святой Троицы в Нэшвилле. Нас было немного, мы собирались в семь вечера по средам, раскладывали жесткие пластиковые стулья и рассаживались вокруг круглых банкетных столов. Некоторые вооружались ручками и блокнотами. Все ждали, когда отец Григорий поделится с нами очередной «порцией» основ веры. Мы постигали историю Православной Церкви и ее учение. В начале курса в разговоре с отцом Григорием я пошутила, что вариант «101» для меня слишком элементарен; меня надо сразу отправлять на двухсотый уровень. Я выросла в католичестве и потому считала, что и так все знаю. Разве традиционные церкви Востока и Запада так уж сильно отличаются?

На лекциях нам рассказывали о молитве «Отче наш» и о Троице, о Вселенских Соборах и Великой схизме. Я понимающе кивала. Слышала, помню. Символ веры и катехизис мне знакомы. Примите меня уже, наконец, в общину!

Я отвечала на вопросы, участвовала в дискуссиях. А потом пришла к отцу Григорию на индивидуальную беседу, чтобы узнать, как ускорить процесс и войти в Православие побыстрее. Могут ли я уже переходить к следующему этапу — Миропомазанию? Мне требовалось лишь это таинство, ведь я в детстве уже прошла католическое крещение. Я считала, что помазание миром и подтверждение веры подкрепит полученный ранее дар, и мне казалось, что этого довольно, чтобы влиться в другую конфессию.

Отец Григорий выслушал меня, посоветовал начать ежедневно молиться и посмотреть, как пойдет дело. Я неохотно согласилась. Но тут-то все и затормозилось. Я старалась молиться трижды в день, читала книги, покупала иконы, начала соблюдать посты и отмечать праздники. И мне вдруг стало ясно, насколько необъятна и непроста жизнь православного христианина. Она оказалась более наполненной, богатой и сложной, чем я ожидала. Это заставило меня остановиться и задуматься. Восток предстал передо мной загадочным, непостижимым, окутанным таинственной тьмой. Все, абсолютно все было ново для меня. Многие вещи были настолько непонятными и далекими, насколько Запад далек от Востока. Я стояла в начале длинной, петляющей дороги. Местность незнакома, погода непредсказуема. Поначалу приходилось постоянно смотреть под ноги, к которым прилипали комьями песок и глина. Рядом я видела ноги других странников. Они были тоже босы, как и мои, и на них тоже налипала грязь.

Да, все мы бредем по этому древнему пути, по плохо проторенной грунтовой тропе. Мы все находимся на стартовом, начальном уровне; мы все пытаемся обойти камни, не споткнуться и не упасть. Скрываемся от жары днем, дрожим от холода и тоскуем от одиночества по ночам. Мы все ищем непреходящей красоты, открывающейся при встрече с нашим Творцом. Мы жаждем ощутить Его дыхание и прикосновение Его губ. Только Он может облегчить страшное бремя, невыносимую тяжесть, которую мы несем в глубине своих опустошенных сердец.

Но вместе с верой всегда приходит исцеление.

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО В КАТОЛИЧЕСТВЕ

О том, как все начиналось

*Однажды став католиком,
ты остаешься им навсегда.*

Энгус Уилсон

Наша церковь была посвящена святой Терезе Авильской. Мы ходили на мессу именно в этот храм, во-первых, потому, что были католиками, а во-вторых, потому, что район, где мы жили, относился к этому приходу. Моя мать посещала церковь святой Терезы с детства, да и все наши знакомые и соседи тоже. Входили мы обычно через боковую дверь. Причем, как правило, немного опаздывали, так что всегда с трудом отыскивали места для всей семьи (нас было шестеро). Я любила сидеть поближе к алтарю: мне нравилось смотреть, что там происходит.

В боковом нефе базилики стояли две скамьи — прямо рядом с дверью, ведущей за алтарную преграду. С этих мест были видны два широких окна в верхней

части центрального нефа. В те годы не было ни микрофонов, ни колонок-усилителей, но звуки большого органа были слышны даже на улице. Музыка разносилась по всей округе, проникая через массивные дубовые двери и многочисленные стрельчатые окна.

Когда дети громко и долго плакали, эхо их голосов слышалось даже под сводами храма и отражалось от алтарной стены. Никто не оборачивался и не смотрел с укором вслед родителям, уносящим свое орущее чадо подальше, в притвор. Все знали, что значит быть родителем и что значит быть ребенком, и не ожидали от малышей долгого неподвижного и тихого сидения. В их возрасте это противоестественно. Умение соблюдать тишину — навык, который формируется лишь с годами.

Я была по натуре интровертом, но спокойно сидеть у меня все равно не получалось — над этим мне еще предстояло работать в будущем. Когда я оставалась дома предоставленной сама себе, забиралась под кровать или в шкаф — это были два любимых места — и играла там в тихом одиночестве. Однако месса оказывала на меня возбуждающее действие: пение хора, органные пассажи, пучки солнечного света, проникающие через окна, чтение псалмов и Писания, запах ладана, звон колоколов, которым сопровождалось благословение вина и преломление хлеба, превращавшихся в Тело и Кровь Христа, умершего в том числе и за меня, — все это будоражило, тревожило. Я вслух повторяла произносимые священником слова; я их слышала с младенчества, а потому знала наизусть. Я пристально наблюдала за «фигурами танца», который исполняли алтарники. Литургия слова переходила в литургию

Евхаристии¹. Мои братья следили за происходящим по молитвослову и листали страницы, чтобы посмотреть, сколько осталось до конца и когда уже можно будет сорваться с места и побегать. Однако я была поглощена происходящим и полностью погружена в него, не думая ни о чем другом.

В мессе таился свой особый, только ей присущий мир и покой, и я с готовностью вбирала, впитывала все это в себя. Дома мы все время носились как угорелые, играли в салки и догонялки, так что содержимое карманов летело на пол или в лужи и ямы на асфальте. Но месса сглаживала, умиряла кипевшие внутри меня страсти. И мне вовсе не мешало то, что у кого-то плакал ребенок, кто-то выронил молитвослов, кто-то опоздал и пробирался вдоль рядов, когда служба уже началась.

В мессе была своя цельность. Форма и содержание ее оставались неизменными. Мы становились причастны к чему-то важному, раз и навсегда устоявшемуся, проверенному временем, истинному. Само присутствие в храме было важной школой жизни. Впоследствии я поняла, что только так можно научиться ждать, пребывать в тишине, ценить мгновения покоя. Только встав перед лицом священного, ты обретаешь возможность выбросить из сердца все ненужное, опустошить себя, чтобы наполнить новым содержанием. Тишина и покой, которыми я заряжалась во время мессы, давали мне силы на

¹ Католическая месса состоит из нескольких частей: начальные обряды, литургия слова, евхаристическая литургия и заключительные обряды. (Здесь и далее примечания переводчика.)

неделю. Этого внутреннего ресурса хватало на то, чтобы пережить все, что происходило в школе и дома в следующие несколько дней.

Помню, как первый раз проехала на двухколесном велосипеде. Мой старший брат Джей Ди стоял позади меня, опираясь руками на заднюю часть широкого кожаного седла и расставив ноги по обе стороны заднего колеса, чтобы мне было легче держать равновесие. Я очень нервничала. Надо было постараться не упасть, но не это самое важное. Главное — не ударить в грязь лицом перед братом. Он давал ценные указания, нашептывая их мне прямо в ухо и все время повторяя: «Да не напрягайся ты!», «Спокойнее!», «Ни о чем не думай, просто крути педали!». Велосипед был новый, гоночный, с красными и сверкающими хромированными деталями. Его недавно подарили брату. Мои белые кеды с трудом доставали до черных массивных педалей. Брат инструктировал меня, как надо трогаться: упереться всей стопой в педаль и медленно распрямить колено, с силой надавив на нее, а затем отпустить. Так я и делала, а он бежал сзади, направляя, придерживая сиденье обеими руками, чтобы меня меньше шатало из стороны в сторону.

И вот я начала входить во вкус, почувствовала уверенность и легкость, будто с каждым поворотом педали, с каждым сгибанием и разгибанием колена преодолеваю законы земного притяжения. Я повернулась назад сказать брату, чтобы не держал меня больше, и увидела, что он уже далеко и улыбается, машет мне. Тут-то я и въехала в телеграфный столб.